

Агрессия и автономия в подростковом возрасте

Хломов К.Д.

Институт общественных наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ИОН РАНХиГС); ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1016-6154>, e-mail: kyrill@rambler.ru

Бочавер А.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»); ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Фоменко М.С.

ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5515-8938>, e-mail: ms-fomenko@bk.ru

Селиванова Е.И.

ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7382-8341>, e-mail: selivanova@institutdetstva.ru

Шемшурин А.А.

ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-8976>, e-mail: shemshurin@institutdetstva.ru

Рассматриваются вопросы о том, есть ли связь между агрессией и автономией в подростковом возрасте и можно ли рассматривать агрессивное поведение в качестве инструмента для решения возрастной задачи развития автономии. Представлены результаты исследования связей между агрессивным поведением и уровнем автономии у подростков 13—16 лет. На первом этапе выборку составили 499 респондентов. На втором этапе осуществлялось сравнение агрессии и автономии подростков, состоящих и не состоящих на внутришкольном учете, выборку составили 192 респондента. Батарея методик включала шкалу физической агрессии из опросника уровня агрессивности Басса-Перри, опросник легитимизированной агрессии С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского, методику диагностики диспозиций насильственного экстремизма Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова и опросник автономии Н.Н. Поскребышевой и О.А. Карабановой. Результаты показали значимые невысокие отрицательные корреляции показателей автономии с показателями физической агрессии, легитимизированной агрессии и диспозиций насильственного экстремизма, что не подтверждает гипотезы об агрессивном поведении как проявлении автономии. Сравнение подростков, состоящих и не состоящих на внутришкольном учете, показало значимые различия по показателям физической агрессии, легитимизированной агрессии и диспозиций насильственного экстремизма (они выше среди тех, кто не состоит на учете), но

не автономии: таким образом, попытка операционализации агрессивного поведения через постановку на внутришкольный учет показала неожиданный результат, проблематизирующий вопросы о нормализации агрессивного поведения в школьной среде и о том, какую роль в профилактике дезадаптивного поведения играет постановка на внутришкольный учет. Полученные результаты не подтверждают положительную взаимосвязь между подростковой автономией и агрессией. В то же время ограничения проведенной работы обуславливают необходимость дальнейших исследований этой проблематики, требующих иной операционализации агрессивного поведения и расширения спектра изучаемых переменных.

Ключевые слова: автономия, агрессия, подростковый возраст, внутришкольный учет.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках Государственного задания ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО» № 073-00015-21-03 по проекту «Проектирование механизмов внедрения современной концепции комплексной профилактики агрессивного поведения в образовательной среде и выявление условий ее эффективной реализации на основе системного мониторинга форм и видов проявлений агрессии обучающимися разного возраста».

Для цитаты: Хломов К.Д. и др. Агрессия и автономия в подростковом возрасте // Психологическая наука и образование. 2022. Том 27. № 3. С. 117—128. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2022270309>

Aggression and Autonomy in Adolescence

Kirill D. Khlomov

Institute of Social Sciences RANEPА; Institute of Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1016-6154>, e-mail: kyrill@rambler.ru

Alexandra A. Bochaver

HSE University; Institute of Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Maria S. Fomenko

Institute of Social Sciences RANEPА; Institute of Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5515-8938>, e-mail: ms-fomenko@bk.ru

Elena I. Selivanova

Institute of Social Sciences RANEPА; Institute of Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7382-8341>, e-mail: selivanovaelena812@gmail.com

Alexey A. Shemshurin

Institute of Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-8976>, e-mail: shemshurin@institutdetstva.ru

The paper is devoted to the question of whether there is a connection between aggression and autonomy in adolescence, and whether aggressive behavior can

be considered as a tool for solving the age-related problem of developing autonomy. We present results of a study on the relationship between aggressive behavior and the level of autonomy in adolescents aged 13—16 years. At the first stage of the study, the sample consisted of 499 respondents. At the second stage, we compared aggression and autonomy in adolescents with and without school records of aggressive behavior, and the sample consisted of 192 respondents. The research tools included the physical aggression scale from the Buss-Perry Aggression Questionnaire, the Legitimized Aggression Questionnaire by S.N. Enikolopov and N.P. Tsibulsky, the Violent Extremism Dispositions technique by D.G. Davydov and K.D. Khlokov, as well as the Autonomy Questionnaire by N.N. Poskrebysheva and O.A. Karabanova. The results showed significant low negative correlations of autonomy indicators with indicators of physical aggression, legitimized aggression and dispositions of violent extremism, which does not confirm the hypothesis of aggressive behavior as a manifestation of autonomy. A comparison of adolescents with and without school records of aggressive behavior showed significant differences in indicators of physical aggression, legitimized aggression and dispositions of violent extremism (they are higher among those who have no such records), but not in autonomy: thus, an attempt to operationalize aggressive behavior through intra-school records showed an unexpected result, problematizing questions about the normalization of aggressive behavior in the school environment and about the role of school records in the prevention of maladaptive behavior. The results obtained do not confirm positive relationship between adolescent autonomy and aggression. At the same time, the limitations of the study necessitate further studies of this problem, requiring a different operationalization of aggressive behavior and an expansion of the range of variables studied.

Keywords: autonomy, aggression, adolescence, intra-school accounting.

Funding. The paper was prepared under the State task #073-00015-21-03, Institute of Study of Childhood, Family and Education, within the framework of the project “Creating mechanisms of implementing the modern concept of complex prevention of aggressive behavior in educational environments on the basis of systematic monitoring of various forms of aggression in students of different age”.

For citation: Khlokov K.D. et al. Aggression and Autonomy in Adolescence. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2022. Vol. 27, no. 3, pp. 117—128. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2022270309> (In Russ.).

Введение

Вопрос о том, где и в чем может развиваться и проявляться автономия у современных подростков, сейчас не имеет однозначного ответа. С одной стороны, имеет место традиционная линейная траектория повышения автономии за счет расширения «лицензий» на самостоятельность и снижения родительского контроля [1; 11]; определенные возможности для автономного поведения и в том числе проб поведения, противоречащего родительским нормам, предоставляет интернет [6]. В то же время неконтролируемые родителями сфе-

ры жизни подростков сужаются [2], неопределенность и непредсказуемость общества растут [14], интенсифицируется контроль за поведением ребенка со стороны социальной среды [13]. Нас интересовал вопрос, может ли агрессивное поведение (целенаправленное деструктивное поведение человека, противоречащее нормам и правилам существования людей в обществе, направленное на нанесение вреда, физического ущерба и психологического дискомфорта) [4] у современных подростков быть формой проявления автономии? Новизна исследования обусловлена

дефицитом данных о связи между автономией подростков (в данном случае понимаемой как самостоятельность и состоящей из четырех компонентов — ценностной, эмоциональной, когнитивной и поведенческой автономии [12]) и их агрессивными проявлениями как формой протеста против взрослых и признаком возрастающей автономии.

В отечественной литературе пока отсутствует единый понятийный аппарат, характеризующий растущую независимость ребенка от родителей и усиление его самостоятельности. Сложно найти данные о связи между агрессией и какими-либо показателями автономии. Ряд зарубежных исследований показывает, что рискованное и дезадаптивное поведение становится вариантом приобретения автономии и решения возрастной задачи сепарации в условиях гиперконтроля со стороны родителей, когда их поведение воспринимается подростками как внедряющееся и навязчивое [20; 21]. Понимание агрессии как результата фрустрации [17] потребности в автономии [18] может быть перспективным с точки зрения профилактики агрессивного поведения в образовательной среде, однако имеется значительный дефицит данных о том, что касается как семейного, так и школьного контекста развития автономии российских подростков. Как показывают Н.Н. Поскребышева и О.А. Карабанова [12], для развития автономии важны такие параметры детско-родительских отношений, как родительский контроль, свобода и автономность: с возрастанием автономии отношения перестраиваются от управляемых родителем к взаимонаправленным, где планирование, регуляция, контроль разделены между подростком и родителем; родители более автономных подростков избегают директивного вмешательства в деятельность ребенка и стараются предоставлять ему возможность самому регулировать свои действия. С другой стороны, дезадаптивное поведение может быть, напротив, свидетельством сложностей с развитием автономии [15; 23]. Родительские практики контроля сложным образом связаны с психологическими проблемами и проявлениями автономии подростков [15; 19;

22; 24]. В исследовании Н.В. Мешковой показано, что у подростков с различным уровнем агрессии антисоциальная креативность опосредуется разными видами ценностей: чем выше значимость ценности «Самостоятельность действий», тем выше уровень агрессии. Для молодых людей-футбольных болельщиков антисоциально направленная креативность опосредуется сочетанием высоких значений враждебности и низкой ориентацией на новизну и социальные нормы [9]. Таким образом, сепарационный процесс подростка, связанный с повышением уровня автономии от родителей, может сопровождаться ожидаемой и реальной враждебностью и агрессией. Автономия может быть связана с разными моделями поведения и моральными оценками. Например, было показано, что низкий уровень эмоциональной автономии (осознанности эмоциональных процессов, саморегуляции) у подростков связан с ориентацией на ценности заботы, а высокий уровень — с ориентацией на ценности справедливости [10].

Мы предполагали, что агрессия подростков помогает им решать задачи реализации независимости, самостоятельности и таким образом может быть связана с показателями автономии. В данном исследовании была предпринята попытка обнаружить связи между агрессией и автономией, а также сравнить данные состоящих и не состоящих на внутришкольном учете школьников.

Программа исследования

Цель исследования: установление связей между агрессией в подростковом возрасте и уровнем развития личностной автономии.

Гипотезы исследования. 1. Существует положительная связь между показателями агрессии и автономии в подростковом возрасте. 2. У подростков, состоящих на внутришкольном учете, выше уровень агрессии и автономии.

Инструментарий. Исследование проводилось посредством онлайн-опроса с использованием следующих методик:

— **опросник уровня агрессивности Басса-Перри** в адаптации С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского, включающий шкалы фи-

зической агрессии, гнева и враждебности [5]. Опросник измеряет личностную черту (агрессивность), однако пункты опросника описывают и поведенческие проявления (например, «Я дерусь чаще, чем окружающие»), поэтому нами была использована отдельная шкала физической агрессии. Он валидизирован на взрослой выборке, однако нередко используется для исследования подростков (например, [8]);

— **опросник легитимизированной агрессии** С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского для оценки социально одобряемой агрессии, включающий 5 шкал легитимизации агрессии — в личном опыте, в политической сфере, в спорте, в СМИ и в сфере воспитания [7]. Опросник также валидизирован только на взрослой выборке, однако нас интересовал вопрос о легитимизации агрессивного поведения в образовательной среде. Мы предполагали, что большая толерантность к агрессии может быть связана с автономией, если наша первая гипотеза верна, в связи с чем мы включили данный инструмент в батарею, несмотря на осознаваемые ограничения;

— **методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма**, позволяющая оценить 11 диспозиций, отражающих неспецифическую склонность к экстремистскому поведению и потенциально ведущих к формированию частных враждебных установок на конкретные объекты (культ силы, интолерантность, конвенциональное принуждение, социальный пессимизм, мистичность, деструктивность и цинизм, протестная активность, правовой нигилизм, антиинтрацепция, допустимость агрессии, конформизм) [3];

— **опросник автономии** Н.Н. Поскребышевой и О.А. Карабановой, позволяющий оценить эмоциональный, поведенческий, когнитивный и ценностный компоненты развития автономии подростков, а также ее общий уровень [12].

Выборка. В сборе данных приняли участие 1039 подростков из 40 школ, расположенных в разных регионах России. Однако в процессе работы многие участники не смогли завершить заполнение батареи методик, в связи с чем пришлось исключить их ответы из общего анализа.

На первом этапе проводился анализ ответов 499 школьников, полностью заполнивших анкету (табл. 1).

На втором этапе в группу участников исследования вошли школьники, стоящие на внутришкольном учете (99 человек), в контрольную группу — нормализованная подвыборка школьников того же возраста и гендера — не стоящие на внутришкольном учете (93 человека) (табл. 1).

Целью внутришкольного учета является ранняя профилактика школьной дезадаптации и асоциального поведения несовершеннолетних в соответствии с Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Постановка учащихся на внутришкольный учет осуществляется как дисциплинарная мера, следующая вслед за такими проявлениями, как пропуски занятий, агрессивное отношение по отношению к сверстникам и педагогам, совершение правонарушений, плохая успеваемость, несоблюдение устава и внутреннего распорядка школы, курение, употребление алкоголя и наркотических веществ и др. Нередко постановка на внутришкольный учет сочетается с учетом в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП), а также в подразделении ОВД по делам несовершеннолетних (ПДН ОВД). К сожалению, в процессе сбора данных не удалось установить конкретных причин постановки учащихся на учет, так же как и того, насколько долго они состоят на учете и какого рода психологическая и педагогическая работа с ними ведется в этой связи. Проектируя исследование, мы предполагали, что эти школьники в среднем будут характеризоваться более высоким уровнем агрессии, поскольку рассматривали постановку на внутришкольный учет как дисциплинарную меру в ответ на их социально нежелательное, в том числе агрессивное, поведение.

Полученные количественные данные обрабатывались при помощи коэффициента корреляции Спирмена и критерия Манна-Уитни в программе «JASP 0.14».

Таблица 1

Характеристики выборки на первом и втором этапах

Первый этап (N=499)	N	M возраст (SD)	Юноши	Девушки
Школьники	499	14.9 (1.92)	188	311
Второй этап (N=192)	N	M возраст (SD)	Юноши	Девушки
Стоящие на внутришкольном учете	99	15.1 (1.25)	50	49
Не стоящие на внутришкольном учете	93	14.3 (1.56)	48	45

Результаты*Связь агрессии и автономии*

Анализ показал множество статистически значимых, но невысоких отрицательных корреляционных связей (табл. 2). Физическая агрессия слабо отрицательно коррелирует с показателями когнитивной и эмоциональной автономии, а также ее интегральным показателем. Легитимизация агрессии в разных средах также показывает ряд отрицательных корреляций с автономией, хотя стоит отметить, что наиболее актуальные для подростков шкалы легитимизации агрессии в личном опыте и в СМИ показывают меньше связей, чем другие шкалы опросника легитимизации агрессии. Показатели диспозиций насильственного экстремизма, т.е. склонности к насилию и потенциально к частным враждебным установкам, также демонстрируют слабые отрицательные корреляции с автономией, в том числе со всеми четырьмя компонентами автономии отрицательно коррелирует конформизм, что косвенно подтверждает надежность шкал. Данный результат не подтверждает первую из поставленных гипотез: полученные данные свидетельствуют о слабой отрицательной либо отсутствующей связи между показателями агрессии и автономии. Агрессивное поведение подростка почти не связано с тем, насколько высок уровень его или ее автономии в когнитивной, эмоциональной, поведенческой или ценностной сферах.

Сравнение агрессии и автономии в группах школьников, состоящих и не состоящих на внутришкольном учете

Сравнение показателей физической агрессии, легитимизации агрессии, диспозиций насильственного экстремизма и авто-

номии в группах учащихся, состоящих и не состоящих на внутришкольном учете (ВШУ), показало следующие результаты (табл. 3). Школьники, состоящие на ВШУ, демонстрируют в среднем значимо более низкие показатели физической агрессии; также среди них значимо менее легитимизирована агрессия в личном опыте, в воспитании, в политике, общий показатель легитимизированной агрессии также значимо ниже. Такие диспозиции насильственного экстремизма, как культ силы, допустимость агрессии, интолерантность, антиинтрацепция и конформизм, среди состоящих на учете также ниже, чем среди тех, кто не состоит на ВШУ. По другим диспозициям насильственного экстремизма (легитимизация агрессии в СМИ и в спорте, конвенциональное принуждение, социальный пессимизм, мистичность, деструктивность и цинизм, протестная активность, нормативный нигилизм), а также по всем компонентам автономии значимых различий между двумя группами не выявлено.

Таким образом, вопреки нашей второй гипотезе, данные указывают на то, что для школьников, попадающих на ВШУ, не характерно агрессивное поведение, напротив, разные формы агрессии и убеждения о ее допустимости свойственны скорее детям, не состоящим на ВШУ, — то есть тем, кто не идентифицируется в школе как группа риска по дезадаптивному и асоциальному поведению. Эти результаты поднимают вопрос о функциях внутришкольного учета, с одной стороны, и о нормативности агрессивного поведения в образовательной среде — с другой.

Обсуждение

Полученные данные демонстрируют несостоятельность обеих гипотез. Результаты

Таблица 2

Корреляционные связи показателей агрессии и автономии (N=499)

Показатели	Эмоциональная автономия	Когнитивная автономия	Поведенческая автономия	Ценностная автономия	Интегральный показатель автономии
Физическая агрессия	-0.17**	-0.19**	Нет	Нет	-0.15**
Легитимизация агрессии в политике	-0.010*	-0.15**	Нет	-0.09*	-0.130*
Легитимизация агрессии в личном опыте	Нет	-0.13**	Нет	Нет	Нет
Легитимизация агрессии в воспитании	-0.09*	-0.17**	-0.10*	-0.22**	-0.20**
Легитимизация агрессии в спорте	-0.11*	-0.19**	Нет	-0.10*	-0.16**
Легитимизация агрессии в СМИ	Нет	Нет	0.09*	Нет	Нет
Интегральный показатель легитимизированной агрессии	-0.12**	-0.18**	Нет	Нет	-0.14**
Культе силы	-0.11*	-0.23**	-0.09*	-0.18**	-0.21**
Допустимость агрессии	-0.14**	-0.18**	Нет	Нет	Нет
Интолерантность	Нет	-0.19**	-0.12**	-0.21**	-0.13**
Конвенциональное принуждение	Нет	Нет	0.09*	-0.01*	-0.15**
Социальный пессимизм	-0.21**	-0.15**	Нет	Нет	Нет
Мистичность	-0.09*	-0.12**	Нет	-0.11**	Нет
Деструктивность и цинизм	-0.16**	-0.11*	Нет	Нет	Нет
Нормативный нигилизм	-0.17**	-0.11*	Нет	Нет	-0.24**
Конформизм	-0.18**	-0.23**	-0.13**	-0.16**	Нет

Условные обозначения: * p<0.05; ** p<0.01.

Таблица 3

Различия показателей у учащихся, состоящих и не состоящих на внутришкольном учете (ВШУ) (N=192)

Показатели	Состоящие на ВШУ	Не состоящие на ВШУ	Тест Манна-Уитни
	М (SD)	М (SD)	U
Физическая агрессия	19.18 (6.43)	22.44 (8.15)	5952.0**
Культе силы	15.06 (4.39)	17.07 (5.27)	5755.5*
Допустимость агрессии	17.82 (5.39)	19.28 (5.70)	5600.5*
Интолерантность	14.17 (4.20)	16.96 (5.07)	6360.0**
Антиинтрацепция	19.16 (3.72)	20.17 (4.22)	5634.5*
Конформизм	16.71 (4.23)	18.45 (4.50)	5856.5**
Легитимизация агрессии в личном опыте	29.60 (10.84)	35.42 (12.20)	6054.5**
Легитимизация агрессии в воспитании	16.10 (7.47)	21.33 (9.15)	6478.0**
Легитимизация агрессии в политике	38.86 (13.15)	46.17 (15.91)	6126.0**
Интегральный показатель легитимизированной агрессии	67.18 (22.16)	78.79 (26.82)	6013.5**

Условные обозначения: * p<0.05; ** p<0.01.

указывают на то, что физическая агрессия, легитимизация агрессии в разных средах и в

собственном опыте, а также проявления диспозиций насильственного экстремизма либо

слабо отрицательно, либо вообще не связаны с автономией. Это не совпадает с интерпретацией подростковой агрессии как варианта реагирования на интенсивный контроль и отставания собственной автономии [9; 17; 20; 21]. Напротив, в нашем случае результаты дают возможность предполагать, что агрессия может быть свидетельством сложностей с развитием автономии [16; 23]. В целом полученные нами результаты скорее побуждают к дальнейшей проблематизации связи агрессии и автономии, чем дают определенные ответы. Можно предполагать, что обнаруженные слабые связи опосредованы факторами, которые не были затронуты в данной работе, и для прояснения этих закономерностей необходимы дальнейшие исследования, включающие качество отношений с родителями, особенности родительского контроля, уровень тревоги и др. Кроме того, мы сталкиваемся с необходимостью разработки инструментов для измерения подростковой агрессии. Попытка операционализировать агрессивное поведение через внутришкольный учет оказалась неудачной. ВШУ является мерой, предпринимаемой в ответ на разные формы противоправного, рискованного или социально нежелательного поведения школьников, которая сопровождается работой с ребенком школьного психолога и социального педагога и привлечением родителей к учебной жизни ребенка. Однако, как показывают полученные нами результаты, подростки, состоящие на внутришкольном учете, характеризуются по сравнению с контрольной группой более низкими показателями физической агрессии и меньшей толерантностью к агрессии в личном опыте, воспитании и в политике. Данные показывают, что на ВШУ попадают скорее не те дети, для которых характерно агрессивное и асоциальное поведение, а те, кто уязвим к его проявлениям, возможно, подвергается виктимизации со стороны сверстников. Это может указывать на высокий уровень нормализации агрессии в образовательном пространстве и на то, что не агрессия является сигналом для включения школьников в группу риска, постановки на учет и усиления внимания за ними со стороны социального педагога, психолога

и родителей. Такие данные побуждают пересмотреть целевую аудиторию профилактических программ и сфокусировать усилия, направленные на предупреждение агрессивных проявлений и снижение проагрессивных установок в школьной среде, на работе с условно благополучными школьниками. Полученные результаты также порождают и такие вопросы: как и для чего используется ВШУ в разных образовательных организациях, каковы типичные причины постановки и снятия школьников с ВШУ, какая работа осуществляется с детьми, состоящими на учете, и чем их поведение отличается от остальных учащихся?

Ограничения данного исследования: использован инструментарий, предназначенный для взрослой выборки (опросник уровня агрессивности Басса-Перри, опросник легитимизированной агрессии); вероятна социальная желательность ответов школьников на вопросы об агрессии; имеет место дефицит данных о причинах постановки школьников на ВШУ и дальнейшей работе с ними.

Выводы

Данные исследования указывают на то, что агрессивное поведение подростков не является формой достижения автономии у подростков и связано с ней скорее отрицательно. Однако теоретически агрессивное поведение, понимаемое как фрустрация потребности в автономии, играет большую роль в развитии личности подростка, в связи с чем актуализируется вопрос о разработке релевантного инструментария. Необходимы дальнейшие исследования, в которых с помощью более подходящих для подростков методов будут изучены связи между разными проявлениями агрессии и автономии. Кроме того, требуется исследование характеристик семейного контекста, образовательной среды и специфики сообщества сверстников для того, чтобы корректно смоделировать взаимосвязи между агрессивным поведением и автономией в подростковом возрасте. Полученные результаты не дают четких ответов на вопрос об этих связях, однако они обуславливают необходимость проведения дальнейших исследований выделенной проблематики.

Литература

1. Бочавер А.А., Поливанова К.Н., Павленко К.В. Гулять или не гулять? Как современные родители организуют независимую мобильность детей // Городские исследования и практики. 2020. № 5(3). С. 38—53. DOI:10.17323/usp53202038-53
2. Бочавер А.А., Корзун А.Н., Поливанова К.Н. Уличный досуг детей и подростков // Психология. Журнал Высшей Школы Экономики. 2017. Т. 14. № 3. С. 470—490. DOI:10.17323/1813-8918-2017-3-470-490
3. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма // Психологическая диагностика. 2017. Т. 14. № 1. С. 78—97.
4. Ениколопов С.Н. Некоторые проблемы психологии агрессивного поведения детей и подростков // Социальная и клиническая психиатрия. 2002. № 2. С. 40—45.
5. Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 115—124.
6. Лажинцева Е.М., Бочавер А.А. Интернет как новая среда для проявления девиантного поведения подростка // Вопросы психологии. 2015. № 4. С. 49—58.
7. Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум / Сост. О.В. Барканова. Красноярск: Литера-Принт, 2009. 237 с.
8. Методическое руководство. Сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» / Н.В. Дворянчиков, В.В. Делибалт, Е.Г. Дозорцева, М.Г. Дебольский, А.В. Дегтярев, Р.В. Чиркина, А.В. Лаврик. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. 198 с.
9. Мешкова Н.В. Особенности взаимосвязи антисоциально направленной креативности и ценностей у подростков с разным уровнем агрессии // Психолого-педагогические исследования. 2018. Т. 10. № 2. С. 77—87. DOI:10.17759/psyedu.2018100207
10. Молчанов С.В., Поскребышева Н.Н., Запуниди А.А., Маркина О.С. Развитие личностной автономии как условие формирования ориентации подростка в моральной сфере // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 4. С. 22—29. DOI:10.17759/chp.2015110402
11. Поливанова К.Н., Бочавер А.А., Павленко К.В. Развитие поведенческой автономии подростков и родительский контроль на примере независимых перемещений по городу // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 4. С. 45—55. DOI:10.17759/jmpf.2020090404
12. Поскребышева Н.Н., Карабанова О.А. Исследование личностной автономии подростка в контексте социальной ситуации развития // Национальный психологический журнал. 2014. № 4(16). С. 34—41. DOI:10.11621/npj.2014.0404
13. Сергеева О.В., Лактюхина Е.Г. Социальные аспекты цифровизации детской городской мобильности // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 4. С. 507—524. DOI:10.17323/727-0634-2019-17-4-507-524
14. Хломов К.Д. Подросток на перекрестке жизненных дорог: социализация, анализ факторов изменения среды развития // Психолого-педагогические исследования. 2014. Т. 6. № 1. С. 2—10. DOI:10.17759/psyedu.2014060102
15. Adolescent perceptions of parental privacy invasion and adolescent secrecy: an illustration of Simpson's paradox / E. Dietvorst, M. Hiemstra, M.H.J. Hillegers, L. Keijsers // Child development. 2018. Vol. 89. № 6. P. 2081—2090. DOI:10.1111/cdev.13002
16. Bateman A.W. Conformism as a symptom of adolescent breakdown: A clinical case // Psychoanalytic Psychotherapy. 1996. Vol. 10. № 2. P. 135—142. DOI:10.1080/02668739600700141
17. Berkowitz L. Frustration-aggression hypothesis: Examination and reformulation // Psychological Bulletin. 1989. Vol. 106(1). P. 59—73. DOI:10.1037/0033-2909.106.1.59
18. Deci E.L., Ryan R.M. The «what» and «why» of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. 2000. № 11. P. 227—268. DOI:10.1207/S15327965PLI1104_01
19. He Y., Yuan K., Sun L., Bian Y. A cross-lagged model of the link between parental psychological control and adolescent aggression // Journal of Adolescence. 2019. Vol. 74. P. 103—112. DOI:10.1016/j.adolescence.2019.05.007
20. Kapetanovic S., Bohlin M., Skoog T., Gerdner A. Structural relations between sources of parental knowledge, feelings of being overly controlled and risk behaviors in early adolescence // Journal of Family Studies. 2020. Vol. 26. № 2. P. 226—242. DOI:10.1080/13229400.2017.1367713
21. Kerr M., Stattin H. What parents know, how they know it, and several forms of adolescent adjustment: Further support for a reinterpretation of monitoring // Developmental Psychology. 2000. Vol. 36. № 3. P. 366—380. DOI:10.1037/0012-1649.36.3.366
22. Kokkinos C.M., Algiovangelou I., Voulgaridou I. Emotion regulation and relational aggression in adolescents: parental attachment as moderator // Journal of child and family studies. 2019. Vol. 28. № 11. P. 3146—3160. DOI:10.1007/s10826-019-01491-9
23. Laghi F., Liga F., Baumgartner E., Baiocco R. Identity and conformism among Italian adolescents who binge eat and drink // Health, Risk and Society. 2012.

Vol. 14. № 4. P. 361—376. DOI:10.1080/13698575.2012.680952

24. Symeou M., Georgiou S. Externalizing and internalizing behaviours in adolescence, and the

importance of parental behavioural and psychological control practices // *Journal of Adolescence*. 2017. Vol. 60. P. 104—113. DOI:10.1016/j.adolescence.2017.07.007

References

1. Bochaver A.A., Polivanova K.N., Pavlenko K.V. Guljat' ili ne guljat'? Kak sovremennye roditeli organizujut nezavisimuju mobil'nost' detej [To walk or not to walk? How modern parents organize independent mobility of children]. *Gorodskie issledovanija i praktiki // Urban Studies and Practices*, 2020, no. 5(3), pp. 38—53. DOI:10.17323/usp53202038-53 (In Russ.).
2. Bochaver A.A., Korzun A.N., Polivanova K.N. Ulichnyj dosug detej i podrostkov [Street leisure for children and adolescents]. *Psihologija. Zhurnal Vysšej Shkoly Jekonomiki // Psychology, Journal of Higher School of Economics*, 2017. Vol. 14, no. 3, pp. 470—490. DOI:10.17323/1813-8918-2017-3-470-490 (In Russ.).
3. Davydov D.G., Khlomov K.D. Metodika diagnostiki dispozicij nasil'stvennogo jekstremizma [Methods of diagnosing dispositions of violent extremism]. *Psihologicheskaja diagnostika // Psychological Diagnostics*, 2017. Vol. 14, no. 1, pp. 78—97. (In Russ.).
4. Enikolopov S.N. Nekotorye problemy psihologii agressivnogo povedenija detej i podrostkov [Some problems of psychology of aggressive behavior of children and adolescents]. *Social'naja i klinicheskaja psihiatrija // Social and Clinical Psychiatry*, 2002, no. 2, pp. 40—45. (In Russ.).
5. Enikolopov S.N., Cibul'skij N.P. Psihometricheskij analiz russkojazyčnoj versii Oprosnika diagnostiki agressii A. Bassa i M. Perri [Psychometric analysis of the Russian-language version of the Questionnaire for the diagnosis of aggression by A. Bass and M. Perry]. *Psihologicheskij zhurnal // Psychological Journal*, 2007, no. 1, pp. 115—124. (In Russ.).
6. Lazhinceva E.M., Bochaver A.A. Internet kak novaja sreda dlja projavlenija deviantnogo povedenija podrostka [The Internet as a new environment for the manifestation of adolescents' deviant behavior]. *Voprosy psihologii // Psychological Issues*, 2015, no. 4, pp. 49—58. (In Russ.).
7. Metodiki diagnostiki jemocional'noj sfery [Methods of diagnostics of the emotional sphere]. O.V. Barkanova. Krasnojarsk, 2009, pp. 205—210. (In Russ.).
8. Metodicheskoe rukovodstvo. Sbornik testov programmno-metodicheskogo kompleksa differencial'noj diagnostiki povedencheskih narushenij nesovershennoletnih «Diagnost-Jekspert+» [Methodological guidance. Collection of tests of the software and methodological complex of differential diagnostics of behavioral disorders of minors "Diagnostician-Expert+"]. N.V. Dvorjanchikov, V.V. Delibalt, E.G. Dozorceva, M.G. Debol'skij, A.V. Degtjarev, R.V. Chirkina, A.V. Lavrik. Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2017. 198 p.
9. Meshkova N.V. Osobennosti vzaimosvjazi antisocial'no napravlennoj kreativnosti i cennostej u podrostkov s raznym urovnem agressii [Features of the relationship between antisocially directed creativity and values in adolescents with different levels of aggression] [Elektronnyj resurs]. *Psihologo-pedagogicheskie issledovanija = Psychological-Educational Studies*, 2018. Vol. 10, no. 2, pp. 77—87. DOI:10.17759/psyedu.2018100207 (In Russ.).
10. Molchanov S.V., Poskrebysheva N.N., Zapunidi A.A., Markina O.S. Razvitie lichnostnoj avtonomii kak uslovie formirovanija orientacii podrostka v moral'noj sfere [Development of personal autonomy as a condition for the formation of orientation of an adolescent in the moral sphere]. *Kul'turno-istoricheskaja psihologija = Cultural-Historical Psychology*, 2015. Vol. 11, no. 4, pp. 22—29. DOI:10.17759/chp.2015110402 (In Russ.).
11. Polivanova K.N., Bochaver A.A., Pavlenko K.V. Razvitie povedencheskoj avtonomii podrostkov i roditel'skij kontrol' na primere nezavisimyh peremeshhenij po gorodu [Development of behavioral autonomy of adolescents and parental control on the example of independent movements around the city]. *Sovremennaja zarubezhnaja psihologija = Modern Foreign Psychology*, 2020. Vol. 9, no. 4, pp. 45—55. DOI:10.17759/jmfp.2020090404 (In Russ.).
12. Poskrebysheva N.N., Karabanova O.A. Issledovanie lichnostnoj avtonomii podrostka v kontekste social'noj situacii razvitija [Research of personal autonomy of an adolescent in the context of the social situation of development]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal // National Psychological Journal*, 2014, no. 4(16), pp. 34—41. DOI:10.11621/npj.2014.0404 (In Russ.).
13. Sergeeva O.V., Laktjuhina E.G. Social'nye aspekty cifrovizacii detskoj gorodskoj mobil'nosti [Social aspects of digitalization of children's urban mobility]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki // Journal of Social Policy Research*, 2019. Vol. 17, no. 4, pp. 507—524. DOI:10.17323/727-0634-2019-17-4-507-524 (In Russ.).
14. Khlomov K.D. Podrostok na perekrestke zhiznennyh dorog: socializacija, analiz faktorov izmenenija sredy razvitija [An adolescent at the crossroads of life roads: socialization, analysis of factors of changes in the development environment]. *Psihologo-pedagogicheskie issledovanija = Psychological-Educational Studies*, 2014. Vol. 6, no. 1, pp. 2—10. DOI:10.17759/psyedu.2014060102 (In Russ.).
15. Adolescent perceptions of parental privacy invasion and adolescent secrecy: an illustration of simpson's

- paradox. E. Dietvorst, M. Hiemstra, M.H.J. Hillegers, L. Keijsers. *Child development*, 2018. Vol. 89, no. 6, pp. 2081—2090. DOI:10.1111/cdev.13002
16. Bateman A.W. Conformism as a symptom of adolescent breakdown: A clinical case. *Psychoanalytic Psychotherapy*, 1996. Vol. 10, no. 2, pp. 135—142. DOI:10.1080/02668739600700141
17. Berkowitz L. Frustration-aggression hypothesis: Examination and reformulation. *Psychological Bulletin*, 1989. Vol. 106(1), pp. 59—73. DOI:10.1037/0033-2909.106.1.59
18. Deci E.L., Ryan R.M. The «what» and «why» of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*, 2000, no. 11, pp. 227—268. DOI:10.1207/S15327965PLI1104_01
19. He Y., Yuan K., Sun L., Bian Y. A cross-lagged model of the link between parental psychological control and adolescent aggression. *Journal of Adolescence*, 2019. Vol. 74, pp. 103—112. DOI:10.1016/j.adolescence.2019.05.007
20. Kapetanovic S., Bohlin M., Skoog T., Gerdner A. Structural relations between sources of parental knowledge, feelings of being overly controlled and risk behaviors in early adolescence. *Journal of Family Studies*, 2020. Vol. 26, no. 2, pp. 226—242. DOI:10.1080/013229400.2017.1367713
21. Kerr M., Stattin H. What parents know, how they know it, and several forms of adolescent adjustment: Further support for a reinterpretation of monitoring. *Developmental Psychology*, 2000. Vol. 36, no. 3, pp. 366—380. DOI:10.1037/0012-1649.36.3.366
22. Kokkinos C.M., Algiovanolou I., Voulgaridou I. Emotion regulation and relational aggression in adolescents: parental attachment as moderator. *Journal of child and family studies*, 2019. Vol. 28, no. 11, pp. 3146—3160. DOI:10.1007/s10826-019-01491-9
23. Laghi F., Liga F., Baumgartner E., Baiocco R. Identity and conformism among Italian adolescents who binge eat and drink. *Health, Risk and Society*, 2012. Vol. 14, no. 4, pp. 361—376. DOI:10.1080/13698575.2012.680952
24. Symeou M., Georgiou S. Externalizing and internalizing behaviours in adolescence, and the importance of parental behavioural and psychological control practices. *Journal of Adolescence*, 2017, no. 60, pp. 104—113. DOI:10.1016/j.adolescence.2017.07.007

Информация об авторах

Хломов Кирилл Данилович, кандидат психологических наук, начальник психологической службы, Институт общественных наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ИОН РАНХиГС); главный научный сотрудник Лаборатории фундаментальных исследований, ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1016-6154>, e-mail: kyrill@rambler.ru

Бочавер Александра Алексеевна, кандидат психологических наук, директор Центра исследований современного детства Института образования, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), старший научный сотрудник Лаборатории фундаментальных исследований, ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Фоменко Мария Сергеевна, магистрант программы «Психология кризисных состояний и клиническая психология» Института общественных наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ИОН РАНХиГС); младший научный сотрудник Лаборатории фундаментальных исследований, ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5515-8938>, e-mail: ms-fomenko@bk.ru

Селиванова Елена Игоревна, специалист Центра перспективных социальных исследований Института общественных наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ИОН РАНХиГС); младший научный сотрудник Лаборатории фундаментальных исследований, ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7382-8341>, e-mail: selivanova@institutdetstva.ru

Шемшурин Алексей Андреевич, кандидат психологических наук, главный научный сотрудник Лаборатории фундаментальных исследований, ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-8976>, e-mail: shemshurin@institutdetstva.ru

Information about the authors

Kirill D. Khlomov, PhD in Psychology, Head of Psychological Service, Institute of Social Sciences, Russian Academy of National Economy and Public Administration; chief research fellow, Institute of Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1016-6154>, e-mail: kyrill@rambler.ru

Alexandra A. Bochaver, PhD in Psychology, Head of the Center for Modern Childhood Studies, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, senior research fellow, Institute of Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Maria S. Fomenko, master's student of the program «Psychology of Crisis States and Clinical Psychology» of the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; junior research fellow, Institute of Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5515-8938>, e-mail: ms-fomenko@bk.ru

Elena I. Selivanova, specialist of the Center for Advanced Social Research of the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; junior research fellow, Institute of Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7382-8341>, e-mail: selivanova@institutdetstva.ru

Alexey A. Shemshurin, PhD in Psychology, chief research fellow, Institute of Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-8976>, e-mail: shemshurin@institutdetstva.ru

Получена 28.02.2022

Принята в печать 30.04.2022

Received 28.02.2022

Accepted 30.04.2022